

Дар чёрного лешего. Польская народная сказка

Жил-был в одной деревне бедный крестьянин. Как ни бился, ни трудился, не мог он со своей семьей прокормиться. Вот и прозвали его соседи Горемыкой.

Достался ему от отца земли клочок, да какой от него прок? Слева – болото, справа – песок, даже вереск* и тот не растет, только посередке узенькая полоска землицы, вся в яминах да камнях. Какой уж тут достаток!

Вот отправился как-то осенью мужик свою полоску под озимые пахать. Конь – кожа да кости, еле тащится, выщербленный лемех по камням скрежещет. У мужика по лбу пот градом катится, словно в знойный июльский полдень. А на дворе мелкий холодный дождик моросит, даль мглой затянуло, как по осени бывает.

Пашет, пашет мужик. Умаялся, живот совсем подвело. Отдохнуть бы да хлебушка пожевать, что за пазухой спрятан. "Нет, – думает, – поработаю до полудня без отдыха".

Работа спорится, когда сила есть. А у бедного мужика сил мало, и голод его донимает. Куст шиповника отдохнуть манит и от дождя укрыться. Приостановился мужик, краюшку из-за пазухи вынул, оглядел, понюхал. "Может, съесть? – думает. – Хлебушек добрый, из чистой ржи, хоть и черствый, а корочка вкусно пахнет... Только солнышко еще низко, до полудня далеко... Съем краюшку сейчас – до вечера не дотяну. Нет, обождать надо. Положу-ка я лучше хлеб на межу под куст: пускай не соблазняет".

Обернул краюшку льняной тряпицей, чтоб сырость осенняя не пропитала, и с тяжелым вздохом положил под куст на межу. Пашет он и не глядит по сторонам: ни налево, ни направо – ни на песок бесплодный, ни на болото топкое.

А за болотом и вовсе трясина бездонная, и водилось там леших видимо-невидимо.

Зеленый Леший к себе в топь заманивает. Ухватится жабьими лапищами за колеса – они по ступицу в трясине увязнут. Большущей зеленой жабой прыгает перед конскими мордами – кони в сторону шарахаются, упряжь рвется, телега ломается, а измученные, перепуганные люди плутают до рассвета, дорогу ищут.

Жил там и Синий Леший. Этот по протокам, по ручейкам из болота в реки и озера выплывает. Сети у рыбаков рвет, рыбу распугивает! А то плотину прокопает, воду спустит, и водяная мельница останавливается.

Рыжий Леший болотную лихорадку на людей напускает.

Но отчаянней всех Черный Леший. Только он отваживается среди бела дня из болота вылезать, по окрестным полям скакать, в хаты заглядывать да высматривать, что бы ему натворить, как навредить людям, горе-беду наслать на них.

Вот вылез Черный Леший из трясины, за кустом шиповника притаился. Луп-луп глазищами, озирается, что бы такое выкинуть, себя, Лешего, потешить.

Видит: мужик из-за пазухи хлеб достал, со всех боков оглядел, в тряпицу льняную завернул и со вздохом под куст положил на межу. А сам опять за соху взялся.

Только мужик спиной к Лешему повернулся, Леший краюшку схватил и шмыг в кусты. Сидит и ждет, что будет. Мужик покражу обнаружит, ругаться небось станет, вора проклинать да их, чертей, поминать. Вот потеха!

Тут солнышко из-за туч выглянуло, весь свет позолотило, короткие тени легли на мокрую землю от деревьев и кустов.

Пахарь из-под ладони на небо глянул, вздохнул с облегчением: вот и полдень, время червячка заморить. Вывел он коня на межу – пусть попасется, а сам к кусту зашагал, где хлеб схоронил. Подходит, а хлеба-то нет, одна тряпица на земле белеет. Мужик глазам своим не поверил. Что за напасть?

– Кто ж это на хлеб мой позарился? Меня, горемыку, без еды оставил? Не иначе шел мимо человек еще бедней меня. Пусть ест на здоровье!

Оторопел Черный Леший. Вот чудак! Не ругается, не проклинает, чертей не поминает. А коли так, никакой радости от проделки нет. Чуть было не подбросил он хлеб обратно под куст, да спохватился: негоже им, лешим, людей жалеть. Коли напроказил, так тому и быть. У них тоже свое бесовское достоинство есть.

Леший загоготал злобно, топнул козлиными копытами, тряхнул козлиными рогами и умчался прочь – в болото.

А там, в глуши непроходимой, где нога человеческая не ступала, на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, сидел Водяной – старшой над всей нечистью.

Развалился Водяной на троне из ивовых прутьев и дремлет – разморило его осеннее солнышко. На нем кафтан богатый, из тростника сотканный, на лысине – камышовый венок, лицо зеленью отливает; из себя он огромный, пузатый.

Дела он все справил: леших да бесенят в разные стороны разослал – козни дьявольские строить, добрым людям вредить.

Остановился перед ним Черный Леший. Водяной один глаз открыл и спрашивает:

– Зачем пожаловал?

– Да вот украл я у бедняка краюшку хлеба, – проскрипел Леший, – думал, он ругаться станет, нас, чертей, поминать...

– Ну и что? – встrepенулся Водяной. – Проклинал?

– Нет. Здоровья пожелал тому, кто хлеб его съел.

– Здоровья, говоришь, пожелал? – Водяной покачал головой, большущей, как дыня. – Закрома у него небось полнехоньки. Что ему кусок хлеба!

– Какое там! Во всей округе бедней его не сыщешь. С хлеба на квас с семьей перебивается. Теперь до самого вечера крошки во рту не будет.

Услыхал это Водяной, брови насупил да как рявкнет:

– Ах ты негодяй! Иль ты забыл, что лешие и бесы тоже свою честь блюсти должны? Последний кусок хлеба украл у бедняка? К богачу небось потрудней в сундук залезть. Стыд и срам! Пусть люди бедняков обижают. Беги, что есть мочи и положи хлеб, откуда взял.

– Да как же я положу его? – захныкал Леший. – Раскрошился он весь, а крошки птицы склевали.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Водяной приложил палец к носу и задумался.

– Не можешь отнести хлеб – службу ему сослужи. В работники к нему наймись. Послужи мужику верой–правдой да через три года возвращайся. А до того и на глаза мне не показывайся!

Делать нечего. Водяного, что над всеми бесами и лешими старшой, никто ослушаться не смеет. Выскочил Черный Леший из топи болотной, оземь ударился, в пригожего малого обратился и к мужику подходит.

Солнце уже за дальним лесом схоронилось, и голодный мужик домой собрался.

Еле волочит он ноги, лошадь спотыкается, соха на камнях, на выбоинах подпрыгивает. А у мужика сил нет ее придержать. В глазах темно от голода и усталости.

Тут подходит к нему незнакомец. Глаза зеленые, точно лесные озера, волосы, как вороново крыло, черные, над алыми губами темные усики топорщатся, лицо румяное – парень кровь с молоком!

Залюбовался мужик парнем, а что глаза у него злым огнем горят, этого он не заметил.

Незнакомец соху за рукояти ухватил и говорит:

– Давайте–ка я вам помогу, хозяин!

Свистнул парень, и лошадь, будто дотронулись до нее волшебной палочкой, встрепенулась, заржала весело и помчалась домой. Ни дать, ни взять молодой жеребец! Мужик диву дается.

– Наймите меня в работники,– молвит парень.

Еще пуще удивился мужик:

– Какая тебе корысть к бедняку наниматься? Мы и сами–то впроголодь живем, а тебе еще платить надо...

А тот в ответ:

– Не надо мне никакой платы. Не гоните меня и в накладе не останетесь.

И просил он так настойчиво, что мужик даже испугался малость. Почем знать, кто он, этот пришелец? Может, разбойник, что от справедливой кары прячется, безопасное убежище ищет? Прогонишь его, он еще мстить станет. "Лучше не перечить ему",– решил бедняк и говорит:

– Ну что ж, поживи недельку, а коли понравится, насовсем оставайся.

Так поселился Леший у мужика. Первым делом стал он коня в силу приводить: скребницей чистит, отборным овсом кормит, ключевой водой поит. А откуда он овес брал, мужику невдомек.

Недели не прошло – коня не узнать, словно подменили его. Бока округлились, шерсть блестит, грива расчесана. Идет–пританцовывает, ровно девица на свадьбе. День–деньской без усталости работает, а в телегу запряжешь – так и рвется вперед, вожжи не удержишь.

Соседи диву даются. Откуда у мужика такой конь? Купить – не купил, потому что гроша ломаного у него нет. Обменять – не обменял: кто ж без обмана его клячу возьмет, а он хоть и бедный, но честный мужик. Да и масть у коня та же, и шрам на спине. Чудеса! А может, колдовство?

Привел батрак коня в силу, за корову принялся. По обочинам, по придорожным канавам ее пасет, траву посочней косит. Возвращается корова с пастбища – вымя у нее, что твое ведро.

Пьют мужиковы ребятишки молока вволю. Побелели они, потолстели. Чирикают весело, как воробьи, когда солнышко пригреет.

"Хороший батрак, усердный,– думает мужик.– Хлеба ест мало, а работает за семерых".

– Оставайся у меня, живи,– говорит он Лешему.– Мне такой работник надобен.

Обрадовался Леший. Не то несдобровать бы ему. Как покажешься на глаза Водяному, приказа его не выполнивши! У нечисти на этот счет строго!

Прошло сколько–то времени, и вот говорит батрак мужику:

– Пора поле под озимую пшеницу пахать, не то поздно будет.

А мужик в ответ:

– Да я уже полоску запахал и рожь посеял. Надо ведь и под картошку клочок поля оставить.

– А вон тот кусок возле болота разве не ваш?

– Мой–то мой, да толку–то что,– со вздохом говорит мужик.– Кочки да мхи пахать не станешь.

– Давайте я попробую.

– Лошадь не осилит.

– У меня осилит. А зерно для посева я сам раздобуду.

Согласился мужик. Пускай этот чудной батрак поступает по своему разумению. Коли он сам зерно достанет, значит, убытка в хозяйстве не будет.

Распахал Леший болото. А ночью у всех хомяков в округе кладовые обчистил и к полевым мышам в норки заглянул. Писк, плач поднялся – за десять верст* слышно! Приволок Леший мешок пшеницы – ну прямо чистое золото! – и засеял поле.

Увидели это соседи, от смеха животы надорвали.

– Вот дурак! Зерно в болото швыряет. Уж лучше бы жабым пометом засеял, хоть жабы развелись бы.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Смеются соседи, пригорюнился хозяин. А батрак знай свое дело делает да помалкивает.

Пришла зима. Землю сковал лютый мороз. Зато весна настала на редкость дружная, теплая. А летом – сушь да зной! Самые старые старики такой жары не припомнят.

Солнце жжет огнем, палит. Напрасно канюки жалобно кричат – дождя просят. Земля потрескалась, трава на лугах пожухла–пожелтела, поля покрылись толстым слоем пыли, колоски печально поникли.

А у мужика на болоте пшеница стеной стоит, налитые колосья к солнцу тянутся. Пришло время, сжали пшеницу. Урожай собрали сам–сто.

Насыпал мужик полнехонек амбар: и на хлеб, и на семена хватит, да еще на продажу останется. И хотя несуразной цены он не заламывал, а все же и в кубышку малую толику денег отложил.

На батрака он со страхом, с почтением поглядывает. А тот работает себе да посвистывает, как ни в чем не бывало.

Вот настало время поле пахать, батрак и говорит мужику.

– В этом году пески пахать будем.

– Пески? Да там испокон века не росло ничего – ни былинки, ни травинки.

– У меня, хозяин, вырастет.

Не стал ему перечить мужик – знал: парень он проворный, башковитый. А соседи опять до упаду хохотали, когда мужик с батраком выехали пустошь пахать.

Запахали, посеяли, забороновали, управились и стали ждать.

В том году лето выдалось дождливое: ни клочка голубого неба, ни солнечного лучика. Серые струи дождя уныло плещут по лужам, барабанят по крышам, текут по размокшим дорогам – ни пройти ни проехать.

Поле мужика, что в низине, озером разлилось. Хлеб сгнил на корню, а на пустоши пшеница уродилась на диво. Опять собрал мужик урожай сам–сто.

Не смеются больше соседи, не до смеха им. "Откуда батрак знает, дождь будет или ведро?" – гадают они.

На третью осень вышел как–то ночью батрак и давай с болота на пустошь грязь носить, а песок с пустоши на болото. Огромный кус поля осушил, огромный кус удобрил. Теперь у мужика вся земля пахотной стала, для сева пригодной. Засевай да урожай собирай.

Каждому ясно: такая работа не под силу человеку. Проснулся утром мужик, увидел, что батрак сделал, сплюнул потихоньку, перекрестился и ни о чем больше его не спрашивал. Стороной обходил и с опаской поглядывал.

А батрак сложа руки не сидит. Пшеницу, рожь, ячмень посеял, картошку посадил. Хватило места и для капусты с горохом. Урожай по осени собрали невиданный.

Полон у мужика амбар, полон овин. И никакой он теперь не Горемыка, хотя соседи по старой памяти его так называют. Одежа на нем исправная, лицо гладкое, румяное. А ребятишек с женой и вовсе не узнать, будто и не они это.

Время идет, и третий год уже на исходе.

Настала лунная сентябрьская ночь. Месяц высоко на небе висит и заливает землю потоками голубого света, да такого яркого, что малюсенький самый гвоздик на дороге разглядишь, зато привычных предметов не различишь – до того свет этот обманчив.

Вот вышел батрак в глухую полночь на порог, оземь ударился, в Лешего обратился и к топи–трясине помчался.

А там меж ивами и раkitами, меж зельем болотным, на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, пляска, гульба – дым коромыслом! То нечисть разная: кикиморы да русалки, лешие да бесы, упыри да оборотни хороводы водят, скачут, визжат, по–собачьи брешут, гогочут. А над головами у них огни болотные, точно венки огненные.

Водяной на трухлявом пне сидит, на дудочке наигрывает – лягушачьими лапами перебирает, на серебряную луну любуется. Остановился Черный Леший перед ним, поклонился до земли и говорит:

– Вот и я! Кончилась моя служба. Верой–правдой послужил я мужику три года.

– Коли так, оставайся с нами! Ступай попляши, пока луна не померкнет, пока небо на востоке не зарумянится.

Но Черный Леший к месту пристыл, в затылке чешет, с копытца на копытце переступает.

– Чего тебе надобно? – спрашивает Водяной.

– Всемогущий господин и повелитель! Помог я мужику из нужды выбиться. Украденный кусок хлеба стократ ему вернул. Так и оставить мужика в довольстве, в достатке?

– А чего же ты хочешь?

– Подшутить над ним малость на прощание.

– Смотри только, чтобы вся работа насмарку не пошла.

– Не бойся!

Хлопнул Водяной в зеленые ладоши и закричал зычным голосом:

– Эй вы, бесы, лешие, идите–ка сюда!

Сбежалась к трухлявому пню вся нечисть. В кучу сбились, шеи вытянули, ждут, что старшой скажет.

Так и так, говорит он им.

– Дозволь ему над мужиком подшутить! Дозволь! – завопили, заверещали, заржали бесы, лешие, кикиморы.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Водяной ударил себя по зеленой ляжке и говорит:

– Ладно! Будь по–вашему! Недаром мы нечистой силой зовемся, значит, наше дело козни строить, проказить, людей пугать. Сыграй шутку со своим хозяином. Да смотри чести нашей бесовской не посрами!

У Черного Лешего глаза так и загорелись:

– Не бойся, не посрамлю!

До рассвета плясал и пел Леший со своими. Плясал до упаду, пел до хрипоты. А когда на востоке заалела заря, стукнул козлиным копытцем об землю и полетел напрямик к хате мужика.

А мужик спит себе спокойно и ни о чем не подозревает.

Наутро говорит ему батрак:

– Служил я тебе, хозяин, верно и платы никакой не требовал. А теперь давай рассчитаемся, в путь мне пора.

Мужик рад от батрака избавиться.

– Правда твоя, преумножил ты мое добро. Говори, сколько тебе заплатить?

– Ни много ни мало – меру ржи.

Удивился мужик:

– А на что тебе зерно? На себе ведь ты его не потащишь?

Батрак смеется в ответ:

– Насыпьте зерно возле печки да котел побольше дайте. Стану зерно варить.

– Зерно варить? И что же получится?

– Увидите.

Принялся батрак за дело. Залил зерно ключевой водой из такого ключа, что никогда петушиного пения не слыхивал. Варил, парил, цедил, доливал, переливал и никому через плечо заглянуть не позволил.

Долго ли, коротко ли, приглашает батрак хозяина к столу. На столе бутылка, а в ней словно вода прозрачная, только запахом острым в нос ударяет.

– Что это? – спрашивает мужик.

Батрак скалит белые зубы и говорит:

– Питье такое.

– Отродясь такого не видывал: ни квас, ни мед, ни пиво!

– Чего понапрасну глядеть – глазами не распробуешь. Глотните–ка!

Попробовал мужик и скривился: горько и язык жжет.

– Да вы побольше выпейте,– уговаривает батрак.

Мужик отпил и сплюнул с отвращением:

– Тьфу, гадость!

Приуныл батрак: неужто шутка не удалась?

– Не угодил, значит? Не по вкусу мое угощение? Глотните, хозяин, еще разок, сделайте одолжение!

Выпил мужик стаканчик, выпил другой. В голове у него зашумело, хата ходуном заходила. Чудится мужику: стены рухнут, насмерть задавят. Хочет он встать – ноги не слушаются. Слово молвить хочет – язык заплетается. А батрак захохотал, да так на мужика глянул, что у того мурашки по спине побежали. Догадался он, кто у него в батраках служил три года, и с горя третий стакан выпил. Выпил и под лавку свалился.

Загоготал глумливо Черный Леший, остатки варева по бутылкам разлил, выскочил в окно и был таков!

Проспал мужик под лавкой до вечера, проснулся – на душе тоскливо, свет белый не мил. А увидел бутылки на столе, словно клещами к ним потянуло.

Встал он, соседей позвал и всю ночь потчевал их дьявольским зельем.

С той поры обеднели крестьяне. Работа у них не спорится, из рук все валится. Да и как работе спориться, если они каждую ночь к бутылке прикладываются, а наутро с больной головой встают.

И пошло у мужика прежнее горемычное житье: опять бесхлебица, бессолица, в доме раззорица.

Вот какую злую шутку Черный Леший с мужиком сыграл.